

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРСКИХ КАДРОВ В ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Для подготовки офицерских кадров в конце XIX века в России сложилась своя система военного образования, которая включала в себя кадетские корпуса, военные училища, офицерские школы, специальные военные академии, Академию Генерального штаба. Часть офицеров училась в юнкерских училищах, заменявших первые два учебных заведения – кадетский корпус и военное училище.

Кадетские корпуса являлись элитарными, закрытыми центрами военного воспитания ведущей части офицерского корпуса.

Прием обеспечивался по конкурсу вступительного экзамена, а зачисление на казенный счет обуславливалось заслугами родителей и успехами воспитанников. Основой воспитания кадетов являлось развитие чувства долга, товарищества и патриотизма; формирование характера; культивирование решительности, самостоятельности и самодеятельности.

В кадетских корпусах преподавались: Закон Божий; русский язык с церковно-славянской и русской словесностью; французский и немецкие языки (в некоторых – английский); математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия); начальные сведения о естественной истории и история; физика и химия; география и космография (астрономия); законоведение; чистописание, рисование, черчение.

К внеклассным занятиям относились: строевая подготовка (экзерциция) и физические упражнения (гимнастика и подвижные игры, фехтование, плавание, танцы, пение, музыка, ручной труд). С 1911–1912 годов в кадетских корпусах была введена стрельба, начиная с 4-го класса.

Выпускники кадетских корпусов были всесторонне образованными, обладали такими качествами, как благородство, честь, достоинство, такт, знали иностранные языки, умели музицировать и танцевать.

В кадетских корпусах на пять воспитанников приходилось два человека покровителя – это воспитатель и человек, выполняющий обязанности прислуги.

Вторыми военно-учебными заведениями в системе образования были юнкерские училища – заведения для подготовки к офицерскому званию нижних чинов пехоты и кавалерии.

В юнкерские училища принимали окончивших военные гимназии или соответствующие гражданские учебные заведения, а также вольноопределяющихся. Курс в училище продолжался два года и состоял из двух классов: младшего общего и старшего специального.

Объем и содержание специального образования диктовались знаниями, навыками, необходимыми для командования батальоном.

Концепцию юнкерского образования за пятилетний период работы училищ практически рассмотрела комиссия, созданная приказом военного министра 7 августа 1869 года.

Весьма интересен, поучителен и актуален в нынешнее время стиль обсуждения вопросов и принятия решений членами комиссий. Вот основные положения работы этого представительного органа:

- вопросы решать сообразно позиции большинства;
- каждому свое мнение высказывать свободно;
- устранять все рассуждения, отклоняющиеся от прямой цели совещания;
- мнения, не принятые большинством, записать только в тех случаях, когда того пожелает предложивший;
- начинать совещание с наиболее существенных вопросов.

В «Инструкции юнкерским училищам» говорилось: «Юнкерские училища всеми средствами должны стремиться к образованию достойных и полезных строевых офицеров для армии. Поэтому вместе с заботами о военном образовании юнкеров необходимо иметь постоянное попечение и о нравственном их развитии, дабы каждый юнкер, удостоенный производства в офицеры, сознавал, что достоинство хорошего офицера, независимо от научных позиций, обуславливается хорошей нравственностью, благородством в образе мыслей, беспрекословным исполнением предписаний начальства и строгим соблюдением всех своих обязанностей».

Среди общих предметов ведущими являлись русский язык, математика и география. Среди специальных – тактика и военный устав.

Не меньшее внимание уделялось «строевому образованию юнкера», т. е. уровню профессиональной подготовки. В «Инструкции юнкерским училищам» предписывалось: «Всякий юнкер, выпускаемый из училища, должен не только знать все, что знает каждый солдат, но и уметь доказать на деле знания, дать отчет посредством объяснения и быть знакомым с уставом и правилами настолько, чтобы ими руководствоваться без помощи других».

Преподаватели должны были развивать у обучаемых стремление к труду, «сознание того, что знания обуславливаются не качеством заученного материала, а полным пониманием всего пройденного и практическим пониманием теоретических выводов науки».

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов и рекомендаций.

Первым и главным выводом является то, что система военного образования в дореволюционной России имела стройную структуру и выполняла основную свою функцию – подготовку офицеров – высококвалифицированных специалистов именно для армии. Она постоянно совершенствовалась с учетом опыта ведения боевых действий путем проведения реформ военного образования.

Второе – в офицеры шли в основном те, кто хотел всю свою жизнь связать с армией, а не просто за счет государства получить образование. Чтобы поступить в училище, невозможно было прибегнуть к протекционизму. Это было видно по критериям распределения: лучших по баллам брали в престижные полки в больших городах, служба других проходила в менее населенных городах, а слабоуспевающие ехали в глушь.

Третье. В процессе подготовки офицеров все заметнее усиливался аспект военно-нравственного воспитания. Много внимания в системе военной подготовки отводилось проблемам военного воспитания, общей культуры, правилам поведения в обществе будущих офицеров, традиций офицерского общества.

При подготовке армейских профессионалов считалось, что военное могущество прямо зависит от воспитания военнослужащих: «Какие бы ружья, пушки, корабли мы не имели, – писал автор одного из военно-педагогических трудов, – но если мы к ним не в состоянии приставить людей с соответственно развитой волей, душой и сердцем, то успеха мы все равно иметь не будем».

Говоря о системе обучения и воспитания, генерал П. Бобровский отмечал: «Никто не ожидает от юнкерских училищ людей широко образованных, но всякий вправе ожидать от них людей честных, хороших офицеров, глубоко проникнутых долгом и самоотвержением на благо нашей Родины».

Четвертое. Передовые офицеры отвергали как неприемлемую для русской действительности практику подражания опыту боевой подготовки западноевропейских армий. Было видно, что такой опыт никак не совмещается с повседневностью русской армии. Ни в коей мере нельзя слепо копировать в системе военного образования своей национальной армии опыт и традиции чужой. Это хорошо понимали здравомыслящие офицеры и генералы и выступали против

такого подражательства: «Сколько таких личностей, которые думают, что достаточно применить к русским войскам прусские уставы, чтобы мы получили немецкую настойчивость и точность. Не лучше ли обрабатывать и развивать свой собственный, национальный тип русского солдата, со старанием ослабив в нем те недостатки, которые нам хорошо известны. Пора удалить от глаз ту обманчивую призму, в которую мы привыкли смотреть на запад».

Русская военная наука, русское военное искусство никогда не уступали зарубежным, а весьма часто шли впереди, давали новое направление и идеи в области тактики и стратегии, которые от России затем воспринимались в Европе. И это впоследствии доказала история.